

**НАТАЛИЯ РУМЯНЦЕВА:
"БЕЗ СКИДОК - ЭТИМ ПРИНЦИПОМ
ДОЛЖЕН РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ И
АРТИСТ, И КРИТИК!"**

По-моему, Юрий Арсеньевич Дмитриев, когда пишет о цирке, всегда полагается на свои непосредственные впечатления от увиденного, и потому никогда, или почти никогда, не заходит за кулисы после просмотра программы.

Это, верно. Стоит только вступить там в разговор, как исполнитель слабого или среднего номера начинает объяснять, что сегодня он вообще отказывался работать, раз пришел взыскательный критик, потому что одна лошадь у него заболела, второй только вчера сделали прививки, а сам он три дня назад растянул связки, но все-таки он надеется, что критик все это "поймет". И у критика уже рука не поднимется написать, что это плохой номер. Так без конца придется "понимать", входить в положение. Знание закулисных проблем и событий важно для журналиста. Но, кажется, для Дмитриева всегда важнее было впечатление зрителя. Того самого зрителя, который приходит в цирк один или два раза в год, и которому все равно: больна лошадь или нет, приехал ли багаж артиста или застрял где-то в пути, а это значит, что программу полностью показать нельзя. Зритель пришел сегодня, - покажите ему все в полной мере. И в этом отношении Дмитриев абсолютно прав!

Без скидок - этим принципом должен руководствоваться и артист, и критик! Сколько раз на обсуждении программ в Союзосцирке артисты пытались объяснить, что "завалили" трюки, потому что волновались, зная, что смотрит такой маститый критик или даже целая комиссия. Дмитриев всегда в этих случаях отвечал примерно так: А как в Большом театре? Там ведь каждый день особая публика - то премьер-министр, то президент другой страны, даже короли бываю, так что, солист имеет право от волнения пускать каждый день петуха?... Не можешь исполнять трюки без сбоев, четко - не делай вообще. Даже резче: если присутствие особых зрителей настолько выводит артиста из обычного состояния, значит, не дано быть артистом...

Наверное, Дмитриев не ходит за кулисы еще и потому, что чувствует интуитивно сколь "опасно" для непредвзвотого критика закулисное общение, дружеские застолья и приглашения на торжества. Некоторым это представляется чрезмерным. Но в итоге, Юрий Арсеньевич Дмитриев оказался в числе тех редких людей, проживших жизнь в искусстве цирка, которых не коснулась ни единая сплетня или тень намека. Его, разве что, можно упрекнуть в ошибках, но ни разу в том, что покривил душой.

Раньше наш дорогой профессор мне казался человеком, к которому трудно подступиться. Даже в деловом разговоре Дмитриев, слушая, как бы нетерпеливо подгонял собеседника своим - "да... да... да", - словно не мог дождаться, когда тот наконец закончит говорить. Велико же было мое изумление, когда я вдруг поняла, какое множество цирковых людей приходит к нему за советом, состоит в переписке, доверяет свои маленькие и большие секреты.

В день юбилея, десять лет назад, когда ему исполнилось семьдесят, он был растроган чуть не до слез, увидев, сколько людей пришло, приехало, прилетело его поздравить. Через обычную форму юбилейных словословий он услышал их искренность. И семидесятилетний Юрий Арсеньевич сказал: "Это самый счастливый день моей жизни..."

Но вот прошло, а точнее промчалось десять лет и, уверена, что Юрий Арсеньевич Дмитриев в день своего восьмидесятилетнего юбилея сможет снова сказать: "Это самый счастливый день в моей жизни."

И я желаю нашему большому другу еще много самых счастливых дней в его жизни.

**ЕЛИЗАВЕТА УВАРОВА:
"ЕСЛИ БЫ МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
ПОЗАИМСТВОВАЛИ У НЕГО ХОТЯ БЫ
ТОЛИКУ ЕГО РАБОТОСПОСОБНОСТИ!"**

Эстрада обязана Юрию Арсеньевичу Дмитриеву многим. В течение десятилетий настойчиво и последовательно отстаивал он высокую значимость и самобытность этого искусства. Будь то в кабинетах высоких начальников, на конференциях, на страницах газет и журналов, на ученых советах института, где благодаря его усилиям была создана группа, а затем и сектор по изучению искусства эстрады.

Вслед за Е.М.Кузнецовым он стал создателем науки об эстраде, автором книг "Искусство советской эстрады", "Советская эстрада", "Эстрада и цирк глазами влюбленного", "Леонид Утесов", "Михаил Лейтовский". В академических сборниках вышли его статьи о Смирнове-Сокольском, о театрах миниатюр начала века. Сам факт появления таких статей вводил изучение эстрады в сферу "большой науки".

Лишь благодаря его энтузиазму, вере в успех, а также прямому участию как автора, вышла фундаментальная работа - трехтомник "Русская советская эстрада. Очерки истории". И, кажется, ни одна посвященная эстраде диссертация не состоялась без участия Дмитриева - в качестве научного руководителя, официального оппонента, рецензента. Человек редкой доброжелательности, он всегда готов поддержать, помочь словом и делом, "пробить" интересный замысел...

"Я хорошо знаю, что иные из моих ученых друзей иронизируют по поводу моей любви к цирку и эстраде, - признается Дмитриев. - Не хочу с ними спорить, они в значительной степени обедняют свою жизнь".

Впрочем, когда это требуется, Дмитриев спорит. И полемизировать, кстати говоря, Юрий Арсеньевич умеет, как никто другой. Мгновенная находчивость его ответов, блестящее остроумие, почти репризность его реплик оживляют скучные заседания, моментами превращая их в острые увлекательные словесные дуэли.

А чего стоит легендарная работоспособность Юрия Арсеньевича! Звонить ему в десять утра - он уже в Ленинской библиотеке, в Центральном Архиве Литературы и Искусства... Вечером - в театре, на эстрадном концерте, в цирке, ЦДРИ...

Снег, жара, лед, дождь, собственное нездоровье - ничто не меняет давно установленного порядка. Ах, если бы наши молодые ученые позаимствовали у него хотя бы толику его работоспособности!

Конкретные факты, архивные материалы ложатся в основу его многочисленных книг и помогают воскресить то, что, казалось бы, безвозвратно кануло в Лету. Интуиция исследователя в соединении с огромными знаниями позволяет

ему свободно ориентироваться в многовековой истории зрелищных искусств. А живая практика, с которой он тесно связан, подсказывает необходимость решения новых и новых научных проблем.

Человек легкий, контактный, очень общительный, Дмитриев всегда в центре всех институтских событий. Здесь он работает уже более сорока лет, занимая собственное, только ему принадлежащее место. В своей жизни Юрий Арсеньевич делал очень много - не только для науки, но и для живых людей. Его добрый взгляд, его поддержка не раз помогали и мне. Спасибо, Юрий Арсеньевич!

**СЕРГЕЙ МАКАРОВ:
"ЕСТЬ УЧИТЕЛЯ, К КОТОРЫМ
ТЯНЕШЬСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ"**

Сквозь жизнь каждого человека проходит череда людей, претендующих на звание Учителя. Одним действительно удается чему-то вас обучить, а другим - лишь вызвать неприязнь к предмету изучения. Есть педагоги, которые становятся нам ненавистными, от которых мы стараемся побыстрее отделаться, а есть Учителя, к которым тянешься всю жизнь.

Я с благодарностью вспоминаю зиму 1958 года, когда судьба подарила мне встречу с Юрием Арсеньевичем Дмитриевым. Он пришел на занятия в ГУЦИ (где я учился на первом курсе клоунады, но продолжал мечтать о театре) и начал будущим артистам читать лекции о выдающихся цирковых комиках. Юрий Арсеньевич беседовал с нами, увлекательно рассказывая об Эйжене, Коко, Альперовых и многих-многих других. Он наизусть помнил репертуар "Бим-Бом", подробно описывал клоунские гримы и костюмы, объяснял технологию различных комических трюков. Я был поражен и очарован. Оказывается, цирковая клоунада - это мир удивительной фантазии, причудливого юмора и невероятного веселья! Встреча с Юрием Арсеньевичем положила конец моим колебаниям. Выбор был сделан и я остался в цирке, сосредоточив свои творческие интересы на жанре клоунады.

И все тридцать три года я благодарю судьбу за эту встречу с Юрием Арсеньевичем Дмитриевым. Это мой Учитель!

**ИННА ВИШНЕВСКАЯ:
"ЮРИЙ ДМИТРИЕВ - ЭТО
МОЯ ЮНОСТЬ!"**

Я помню его, как и многие-многие мои коллеги, преподавателем курса русского театра, когда мы заканчивали Государственный Институт Театрального Искусства. Это был особый преподаватель - влюбленный в свое дело, молодой, старающийся никогда не влезать ни в какие интриги и удивительно уважающий нас, тогда еще совсем-совсем начинающих. Он не только был со всеми "на вы", но знал все имена-отчества, все биографии и постоянно велел кланяться "бабушке", передавать привет "матушке". Тогда у многих из нас еще не было супругов, но он велел кланяться даже и нашим молодым людям или девушкам наших студентов-мужчин. Он и их знал - наших возлюбленных, потому что хотел выучить не просто профессионалов, но и воспитать личность, индивидуальность, сделать нас, по возможности, интеллигентными людьми.

Юрий Арсеньевич Дмитриев - это сама эрудиция, причем во всех областях знания. Пестрый, веселый, шумный и яркий цирк - это его стихия. Разноголосая, современная эстрада - это его жизнь. Театр, от Мочалова до Качалова и дальше, дальше, дальше - до самых-самых "пост-авангардов" - это его заботы. И мы уже давно не удивляемся, когда Юрий Арсеньевич вдруг говорит: да, я прочитал это у Якова Борисовича. Кто этот - Яков Борисович? - спрашивает кто-либо, не знающий Дмитриева, полагая, что речь идет о сегодняшнем газетчике или о директоре ресторана. Яков Борисович Княжнин - драматург XVIII века, - отвечает Дмитриев. И также может называть он по именам и отчествам всех, кто жил в XVII, XVI и еще каком-нибудь веке. Все они - его друзья: люди цирка, люди театра, люди эстрады, веселые клоуны, острые куплетисты, великие трагики.

И когда мы не знаем чего-нибудь, поиски наши недолги: мы не открываем энциклопедий - мы звоним Юрию Арсеньевичу и он отвечает! Отвечает гораздо точнее, чем все энциклопедии. Их почти каждый год надо переписывать, в зависимости от того, кто у власти, а Юрия Арсеньевича переписывать не надо: его память безотказна, его знания беспредельны и кажется, что даже и вечны.

Юрий Арсеньевич Дмитриев - это книги. Я не знаю, сколько у него книг и никто не знает. Их просто огромное количество. Он каждый год издает по книге - и все интересное, прекрасно выполненное. То о трагиках Адельгеймах, то о знаменитых клоунах, то о волшебном мастере Лентовском, то о великом комике Живокини, то..., но обязательно о ком-нибудь, о ком очень хочется прочитать. Ни у кого уже давно нет бумажки. Перед всеми закрылись издательства, ни с кем не хотят работать художники, а у Дмитриева выходят книги, с яркими иллюстрациями, на прелестной глянцево-бумаге, он тоже в чем-то волшебник, волшебник трудолюбия, подвижник дела.

Ю.А.Дмитриев - это доброжелательность, редчайшее сегодня качество среди озверевших, помешавшихся на самых различных дефицитах людей. Есть дефицит и на доброту. Этот дефицит в нашем секторе полностью покрывает Дмитриев. Он и ругает как-то вкусно, и критикует как-то

аппетитно, и заморочивает голову как-то приятно, словом, работать с ним - одно удовольствие. Он обязательно заметит, что на тебе новое платье, какое-нибудь новое украшение, он спросит как дела дома, он разузнает чем болны внуки, просто - не наш человек, какой-то забредший в этот кошмарный быт старый русский интеллигент, ренессансный человек, милый чудак, все еще уверенный, что люди должны оставаться людьми.

Юрий Арсеньевич - это само остроумие. Если у нас плохое настроение, если уже кажется, что мы никогда не поднимемся, обронит Дмитриев словечко, расскажет "старый" анекдот, вспомнит две-три фразы из репертуара своих старых друзей - Райкина, Утесова, Ардова, Смирнова-Сокольского, Шваркина, Зоценко - многих и многих других, и легче становится на душе. И кажется - а может быть, еще поднимемся?!

На одном из последних наших заседаний сильно мы все волновались: а что-то будет на съезде театральных деятелей, а как будет жить дальше наш театр, а-нужны или не нужны актерские звания... И вдруг Юрий Арсеньевич сказал: "Я с этими "заботами" обратился к своей жене: как ты мол, думаешь, интересно ли пройдет съезд театральных деятелей? А она с удивлением посмотрела на меня и спрашивает: ты сыт? Ну и чего же тебе еще надо?" Мы засмеялись. Подумали, как права очаровательная жена Юрия Арсеньевича. И действительно, казалось бы, что кроме сытости нужно еще теперь?

Но Дмитриеву мало сытости. Ему нужна еще "духовная сытость", которой у него так много, что он "кормит" ею и всех нас, близких и, всех далеких.

Дай Бог Вам, Юрий Арсеньевич, здоровья, прежнего оптимизма и нашей к Вам постоянной любви!

**ВЛАДИМИР СЕРГУНИН:
"ДМИТРИЕВ - ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ
АТТРАКЦИОН"**

В цирковой среде его уважительно называют: наш профессор. И сколько бы ни утверждали театроведы и эстрадоведы, фольклористы и историки иных искусств, что его вклад в эти области знания также значителен, - а это чистая правда! - для цирковых - он остается своим, а именно - профессором цирка.

Я мысленно переношусь на 25 лет назад. Я думаю, то была закономерная и счастливая случайность, что моя жизнь в цирке началась под знаком именно его, Юрия Арсеньевича Дмитриева, "благословения".

...Мы, молодые выпускники ГУЦЭИ, собранные в программе "Беспокойные сердца", только-только начинали свой артистический путь, гастролируя по Сибири, когда в этот край вечно зеленых помидоров, чудесным образом приехал он - наш профессор.

"Сам Дмитриев, - говорилось за кулисами, - авторитетнейший и квалифицированный историк и критик цирка будет смотреть программу".

..И, конечно, было волнение и на предельном кураже прочла свое представление. А потом состоялась встреча на манеже, и мы услышали яркий и профессиональный, с конкретными замечаниями, разбор программы. А еще испытали мы доброжелательное расположение к нам маститого цирковеда и довольно обнадеживающее и вместе с тем абсолютно фантастическое напутствие: до скорой встречи на манеже московского цирка!

Для непосвященных в цирковую "кухню", должен пояснить, что такое напутствие молодым артистам в те годы выглядело даже более фантастичным, чем допустим, скажи тогда Дмитриев: до встречи в Ватикане.

Московский цирк в те годы являлся пределом честолюбивых мечтаний всякого уважающего себя профессионала. Но Дмитриев не был бы самим собой, если бы не оказался и на этот раз прав. "Благословение" Дмитриева оказалось пророческим! Меньше чем через год "Беспокойные сердца" работали на самом престижном манеже страны - московском.

История цирка круто замешана на романтике, она вся соткана из романтических легенд и пронизана мифами, один другого фантастичней. Наверное, искусство фанатов и феноменов, каким оно мне представляется, и не могло сложиться иначе. Фокус, однако, в другом. Феномен Дмитриева! Вот - фокус, вот уж действительно - аттракцион!

Во многом благодаря Юрию Арсеньевичу Дмитриеву, его феноменальной личности, современный отечественный цирк освободился (или это новая легенда?) от комплекса эстетической неполноценности. Когда-то считавшийся "махорочным" и "маргариновым", "искусством для Ванек", цирк дерзнул, - и не без успеха, - осознать свое собственное художественное величие и творческое достоинство. Это очень важно, в этом, мне думается, заключен мощный источник развития циркового искусства.

Наш профессор цирка, глубокоуважаемый Юрий Арсеньевич! Да не оставит Вас доброе здоровье и любовь, щедро отдаваемая цирку!

От редакции

Поздравления и пожелания, напечатанные на этих страницах, выражают и наши самые искренние чувства к "нашему профессору", чьи материалы порой украшают полосы "Арены". И лишнее доказательство этому - материал Юрия Дмитриева о первом русском цирковом антрепренере Акиме Никитине, который вы можете прочесть на 7-ой полосе.